
ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗАЩИТНОГО ПОЯСА КЕЙНСИАНСКОЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРОГРАММЫ

Черновол Светлана Николаевна, преп.

Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева, ул. Весенняя, 28, Кемерово, Россия, 650000; e-mail: fenika71@yandex.ru

Цель: анализ и интерпретация эволюции кейнсианства как развития научно-исследовательской программы И. Лакатоса. *Обсуждение:* в предположении, что кейнсианство может рассматриваться как альтернатива принятой в России монетаристской модели развития, автор предлагает проследить эволюцию кейнсианства, очистив действительно кейнсианские теории, составляющие научно-исследовательскую программу, от теорий, извращающих основу кейнсианства. С точки зрения методологии И. Лакатоса это позволяет выявить прогрессивную или регрессивную составляющую кейнсианской научно-исследовательской программы. *Результаты:* автор показал, что с момента возникновения и по сегодняшний день кейнсианская научно-исследовательская программа проявляла признаки прогрессивности. Кейнсианство в отличие от неоклассической доктрины не усматривает «необъяснимой катастрофы» в происходящих в мире процессах, названных как «новая нормальность». Кейнсианская НИП в условиях «новой нормальности» получила прогрессивную составляющую и решающую роль в этом сыграли теории защитного пояса. Модели макроэкономической политики, разработанные на основе кейнсианской концепции (с учетом особенностей экономики отдельных стран), могут быть реалистичными, а их реализация эффективной.

Ключевые слова: кейнсианство, научно-исследовательская программа, кризис, «новая нормальность».

DOI: 10.17308/meps.2017.6/1673

Глубина и длительность кризисов 2008-2009, а затем 2014-2015 годов, крайне вялое оживление в посткризисный период российской экономики требуют переосмысления теоретических взглядов как на природу кризиса, так и на вопросы реалистичности принятой монетаристской макроэкономической модели развития и эффективности ее реализации для экономики России.

В поисках альтернативы экономического развития для России известные отечественные экономисты обращаются к теоретической концепции кейнсианства.

Со времени появления «Общей теории» не прекращается полемика, связанная как с интерпретацией самого Кейнса, так и кейнсианства в целом, возможность чего была заложена самим основоположником. В результате чего возникли версии, отличающиеся методологическими принципами и основными постулатами, в том числе извращающие основу кейнсианства.

В качестве способа анализа и интерпретации эволюции кейнсианства обратимся к концепции научно-исследовательских программ (далее – НИП) И. Лакатоса.

Структура любой НИП включает в себя жесткое ядро и защитный пояс.

Жесткое ядро Лакатоса тождественно идее О. Ананьина о картине экономической реальности как об онтологической предпосылке экономической теории, играющей стратегическую роль в процессе познания. «Общая картина экономической реальности..., – пишет О. Ананьин, – задается системой базовых понятий – категорий, вокруг которых складываются понятийные структуры, формирующие идеальные объекты, призванные отображать свойства и закономерности объектов реального мира» [3, с. 75].

Жесткое ядро программы полагается неопровержимым, следовательно, «ядро» кейнсианства было сформировано в «Общей теории...».

Жесткое ядро кейнсианской НИП включает в себя следующие положения:

1. «уровень занятости и выпуска продукции определяется эффективным (совокупным) спросом» [11, с.14];

2. «экономические агенты делают выбор в условиях неопределенности будущего» [21, с. 148];

3. «нестабильная рыночная экономика требует государственного вмешательства, направленного на регулирование эффективного спроса» [21, с. 149].

Построение вспомогательных теорий, которые образуют защитный пояс, происходит постепенно, в процессе эволюции НИП. Главное преимущество одной НИП перед другой проявляется себя в возможности предсказания будущих фактов, такую программу Лакатос называет «прогрессирующей».

Главным принципом включения той или иной теории в защитный пояс является не противоречивость постулатам ее твердого ядра. Примером такого противоречия может служить неоклассический синтез, который достаточно долгое время представлялся как воплощение кейнсианства.

Неоклассический синтез представляет собой теорию, базирующуюся на предпосылке о рациональном и оптимизирующем выборе индивида. Однако точки зрения нашего анализа это противоречит кейнсианской картине

экономической реальности, так как исключает второй постулат жесткого ядра кейнсианской НИП. «Дело в том, – пишет И. В. Розмаинский, – что основные макроэкономические функции в теории Дж. М. Кейнса не выведены на базе оптимизирующего выбора индивидов... Стереотипы, конвенции и ожидания, а вовсе не оптимизационные расчеты, определяют человеческие решения, которые поэтому не поддаются точному, количественному анализу» [13, с. 48–49]. Поэтому модели неоклассического синтеза не могут рассматриваться как теории защитного пояса кейнсианской НИП.

Исходной базой для анализа защитного пояса кейнсианской НИП прием те проблемы, которые являлись «движущей силой» его формирования и развития (фактически – эволюции кейнсианской НИП в целом).

1. Проблема теоретического обоснования и эмпирической проверки содержащихся в кейнсианской теории функциональных зависимостей

Теория Кейнса породила всплеск исследований потребительской функции. Большую роль в эмпирическом обосновании кейнсианских зависимостей сыграл С. Кузнец. Проанализировав длинные временные ряды, С. Кузнец приходит к выводу, что «хотя потребительская функция на протяжении цикла вела себя именно так, как и предполагал Кейнс (доля потребления в доходе снижалась по мере его роста), на протяжении длительных и очень длительных периодов в поведении потребительской функции, по видимому, невозможно было обнаружить подобные тенденции» [6, с. 123]. В литературе «такое противоречие исследований С. Кузнеца теоретическим положениям кейнсианской теории получило название «феномен», или «загадка» Кузнеца» [6, с. 123].

Не все теории, появившиеся в процессе поиска объяснения «загадки Кузнеца», основывались на постулатах твердого ядра кейнсианской НИП. Так, концепция перманентного дохода М. Фридмана и концепция жизненного цикла Ф. Модильяни основывались на неоклассической теории межвременного выбора И. Фишера и исходили из модели рационального человека, оптимизирующего свое потребление, поддерживая предельную полезность расходов постоянной с течением времени.

В отличие от этого концепция относительного дохода Дж. Дьюзенберри основывалась на постулатах твердого ядра кейнсианской НИП, теоретически расширяла и углубляла потребительскую функцию и давала ответ на критику в адрес последней.

С точки зрения Дьюзенберри в краткосрочном периоде для потребления индивида важнейшее значение имеют сохранение престижа и привычка к достигнутому уровню потребления. Потребление определяется самым высоким прошлым доходом, поэтому при снижении относительного дохода индивид сохранит потребление на прежнем уровне, и в краткосрочных циклических колебаниях в период спада средняя склонность к потреблению возрастает.

Дьюзенберри находит еще одну важнейшую функциональную зависимость, о которой он пишет: «Анализ сил, вызывающих импульсы к потреблению, показывает, что они проявляются, когда индивид проводит негативное сравнение его стандарта жизни со стандартами других людей. Если такие импульсы приходится отторгать, индивид становится не удовлетворён своим положением. Для отдельного потребителя число и сила импульсов потреблять больше зависит от отношения его издержек к издержкам других индивидов. Неудовлетворённость появляется вследствие отторжения импульсов тратить. Следовательно, неудовлетворённость стандартом потребления, которую испытывает индивид – это функция отношения его издержек к издержкам людей, с которыми он взаимодействует» [1, с. 32]. Таким образом, расходы индивида на потребление определяются средним доходом группы. Если доход индивида меньше среднего дохода группы, он будет тратить большую часть своего дохода, а если доход выше среднего – меньшую часть своего дохода. В результате в долгосрочном периоде средняя склонность к потреблению остается постоянной.

Концепция Дьюзенберри, отмечает известный американский экономист Дж. Ходжсон, «...успешно прошла несколько эконометрических проверок. Тем не менее модель Дьюзенберри не получила признания не потому, что не прошла статистической проверки, а потому, что она не основывалась на мейнстримовской идее рационального, максимизирующего полезность потребителя» [19, с. 24].

2. Проблема «динамизации» теории Дж. М. Кейнса

Теория Кейнса была статичной, что было обусловлено особенностями экономических условий того времени. Начало кейнсианской теории динамики положил английский экономист Р. Харрод. Он писал, что Кейнс «не выдвинул систематической теории макродинамики. Вследствие неизбежной неопределенности, связанной с предвидением будущего, сумма совокупных оценок (будущего спроса и т.д.), делаемых фирмами, может быть слишком высокой или слишком низкой... Конечно, ожидания, возможно, повышаются или понижаются под воздействием поветрия оптимизма или пессимизма. Кейнс мог сказать много интересного об изменчивости ожиданий. Но он не принимал во внимание те силы, которые определяют, каковы должны быть эти ожидания» [18, с. 44]. Именно в устранении этого пробела видел свою задачу Харрод и в этом заключается его вклад в развитие защитного пояса кейнсианской НИП.

Модель Харрода, которая прошла неоднократные эконометрические проверки, показала взаимосвязь между темпом роста инвестиций и темпом роста ВНП.

Эмпирическую проверку она прошла, в том числе и на примере российской экономики. Таким анализом занимался В. Е. Маневич [11]. Выводы, сделанные в результате исследований, подтвердили теоретические предположения Харрода, что свидетельствует о прогрессивности кейнсианской НИП в целом.

Однако теоретические изыскания Харрода не охватывали рынки финансов. В его модели единственный актив, в который могут инвестироваться сбережения – реальный капитал. Над устранением этого пробела в защитном поясе кейнсианской НИП работал Дж. Тобин.

В своем анализе Тобин опирался на теорию Харрода, исследуя влияние монетарных факторов на изменения в реальном секторе экономики. Устойчивый экономический рост у Дж. Тобина связан с инвестициями как в реальный капитал, так и финансовые активы и с их взаимным замещением. Спрос на различные активы определяется в модели, во-первых, доходностью и, во-вторых, стремлением инвесторов избегать риски.

Инвестиционная активность у Кейнса зависит от предельной эффективности капитала, которая ограничивается ставкой процента. У Тобина «скорость, с которой инвесторы желают увеличить запас капитала» зависит «от величины q – отношения стоимости капитала к издержкам его воспроизводства» [17, с. 90], что дало название теории Тобина « q – теория инвестиций». Отклонять рыночную оценку капитала от издержек ее воспроизводства, то есть воздействовать на коэффициент q , способна финансовая и денежная политика государства, которая таким образом может добиваться ограничения или активизации инвестиций.

Исследования Тобина включают в свой защитный пояс и представители неоклассического направления. Обратившись к методологии Лакатоса, мы не находим запрета на использование для защиты ядра НИП идей, рожденных в рамках соперничающей НИП. При этом теория как целостная система может не «вписаться» в соперничающую НИП, тогда возможно использование отдельных ее идей и гипотез. Что и произошло в случае использования неоклассиками модели Тобина. Однако сам факт включения теории Тобина в защитный пояс неоклассической доктрины требует доказательств того, что теория Тобина по сути своей кейнсианская. Для этой цели нам необходимо понять картину экономической реальности теории Тобина, предпосылки которой должны соответствовать жесткому ядру кейнсианской НИП.

Направление государственного вмешательства Тобин видит в необходимости координировать инвестиционный спрос, который наряду с потребительским спросом является составляющей эффективного спроса. Таким образом, модель Тобина не противоречит третьему постулату жесткого ядра кейнсианской НИП.

Первый постулат жесткого ядра кейнсианской НИП отрицает положение неоклассической доктрины о том, что предложение само порождает спрос. Тобин, как и Кейнс, отрицает этот постулат неоклассиков. Рассматривая функцию сбережений, Тобин исходит из того, что «...та часть выпуска, которая не используется для потребления, прибавляется к капиталу. Будет ли при этом увеличиваться благосостояние – это другая проблема, зависящая от предпочтения обществом тех или иных активов» [17, с. 46]. Это исходное допущение модели Тобина находится в полном

соответствии с первым постулатом жесткого ядра кейнсианской НИП.

Не принимает Тобин и постулат неоклассической доктрины о рациональном поведении человека. Поведение экономического агента с точки зрения Тобина соответствует поведению «человека кейнсианского» действующего в условиях неопределенности будущего. Тобин пишет об этом как об очевидном факте, «наблюдаемом в течение столетий: Экономика, – по крайней мере, децентрализованная рыночная экономика западного мира, – подвержена распространяющимся приливам и отливам процветания и депрессии, инфляции и дефляции, которые господствуют над практической деятельностью участников экономики. Было бы более правдоподобным объяснить различия в индивидуальной практической деятельности до и после войны (Вторая мировая война – С.Ч.) различиями в общей атмосфере, которые индивиды контролировать не могут, чем объяснить различия в состоянии экономики в эти два периода массовым совпадением индивидуальных неудач и успехов» [17, с. 46].

Таким образом, построенная на постулатах твердого ядра кейнсианской НИП теория Тобина может быть включена в ее защитный пояс. Путем ввода в анализ всех видов реальных и финансовых активов Дж. Тобин углубил кейнсианскую теорию предпочтения ликвидности.

3. Проблема аутентичности теории Дж. М. Кейнса в интерпретации его последователей: равновесие или неравновесие?

В ортодоксальной трактовке теория Кейнса представлена как частный случай неоклассической концепции общего равновесия. Р. Клауэр предпринял попытку «пояснить формальную основу кейнсианской революции и ее соотношение с ортодоксальным направлением экономической мысли» [9, с. 332].

Клауэр выдвинул «гипотезу двойственного решения», где потребительский спрос разделен на предполагаемый и фактический. Предполагаемый спрос – это неоклассическая функция потребления (зависит только от ценовых параметров) в ситуации полной занятости при равновесных ценах, когда домохозяйства извлекают максимум полезности из имеющихся ресурсов. Однако в случае неполной занятости домохозяйства в потреблении будут учитывать уровень безработицы (неценовой параметр) и они не смогут реализовать предполагаемый спрос, а реализуют фактический. Именно зависимость рынка не только от ценовых, но и от количественных сигналов приводит его в состояние неравновесия.

В своих исследованиях Р. Клауэр приходит к следующему заключению: «Выражаясь кратко, кейнсианская экономическая теория привносит в теорию цены текущие сделки, в то время как традиционный анализ явно их игнорирует» [9, с. 333].

Идеи Р. Клауэра получили подтверждение и развитие в исследованиях А. Лейонхуфвуда, который показал, что в условиях неопределенности расхождение между предполагаемой и фактической величиной эффективного спроса «распространяются на все рынки посредством мультипликаци-

онного процесса. Теперь производители будут получать неверные ценовые сигналы, которые вызовут адаптационные реакции, вовсе не обязательно ведущие к равновесию» [5, с. 620].

Однако сам Кейнс пользовался термином «равновесие». Ответ на вопрос «Почему Кейнс принял систему равновесной?» дает А. Коддингтон, считая, что в исследованиях Кейнса «концепция равновесия – вопрос, не имеющий особого значения». «Прийти к каким-то определенным выводам о функционировании экономики» Кейнс мог, только упростив ситуацию, исключив из анализа проблемы рыночного неравновесия [10, с. 354–355], но «использование Кейнсом в качестве временного средства концепции равновесия не подразумевает, что можно заморозить экономику в определенном состоянии» [10, с. 354].

Коддингтон ставит вопрос о том, почему это упрощение было возможно для «Общей теории...» Кейнса и невозможно для неоклассического синтеза Хикса. Потому, отвечает Коддингтон, что «проблемы занятости совершенно отличны от проблем аллокации ресурсов» [10, с. 355], именно это и доказали Лейонхуфвуд и Клауэр.

4. Проблема неопределенности будущего

Исследования этого направления получили развитие в связи с критикой неоклассического синтеза и стремлением вернуть кейнсианству первоначальный смысл.

Представители монетарного кейнсианства делают акцент на том, что «традиционная экономика», которая подчинялась законам неоклассической теории, ушла в прошлое после того, как, во-первых, из-за существования оборудования с длительным сроком службы хозяйственная деятельность стала растянутой во времени, экономическим агентам необходимо учитывать долгосрочные перспективы. Во-вторых, людям пришлось более тесно взаимодействовать друг с другом из-за глубокого разделения труда. В результате возникла «сложная экономическая система», где экономические агенты должны справляться с неопределенностью будущего.

Снизить степень неопределенности будущего (но не устранить ее полностью) способны институты (деньги, форвардные контракты, государство), которые в странах развитого капитализма создают денежную экономику.

С позиций монетарного кейнсианства в 70-е годы прошлого столетия Х. Мински выдвинул теорию циклов («гипотеза финансовой хрупкости»). Экономист выделил режимы финансирования инвестиций, которые в условиях неопределенности отражают этапы нарастания факторов неустойчивости и нестабильности в финансовой системе. Суть гипотезы Мински заключается в положении о том, что капиталистическая экономика сформировала финансовую систему, неизбежно подверженную кризисам.

В монетарном направлении защитного пояса кейнсианской НИП исследования ведут и российские экономисты. Внимание к этому направлению обусловлено тем, что российская рыночная среда характеризуется высокой

степенью неопределенности будущего. Причину этого в совместной статье объясняют И. В. Розмаинский и А. С. Скоробогатов: «Дело в том, что переходный период экономики нередко характеризуется как ситуация идеологического вакуума, который имеет место в результате крушения коммунистической идеологии, с одной стороны, и отсутствия ее общепринятого заменителя – с другой. Подобный идеологический вакуум представляет собой одно из свойств институциональной конкуренции, т. е. конкуренции правил игры, являющейся неотъемлемой характеристикой переходной экономики» [14, с. 11]. Таким образом, проблема неопределенности будущего в переходной экономике стоит, видимо, острее, чем в экономиках развитого капитализма.

Изучением фактора неопределенности на примере российской экономики с кейнсианской позиции занимается И. В. Розмаинский. Экономическая система России, по мнению экономиста, отличается от рыночных экономик стран Запада и характеризуется как «семейно-клановый капитализм». Розмаинский вводит понятие «инвестиционная близорукость» – поведение, характерное для экономических агентов в экономике «семейно-кланового капитализма». «Инвестиционная близорукость представляет собой не субъективно-психологическую «болезнь» отдельных личностей, а естественную, «органичную» реакцию большинства хозяйствующих субъектов на повышенную степень фундаментальной неопределенности... На практике инвестиционная близорукость проявляется в предпочтении краткосрочных активов долгосрочным, или, точнее говоря, в большом и/или растущем спросе на активы с коротким периодом окупаемости, сопровождающемся падением интереса (или его низким уровнем) к активам с длительным периодом окупаемости». [12, с. 72]

Экономист описал механизм образования «порочного круга долгосрочного спада» вследствие распространения инвестиционной близорукости. Порочный круг долгосрочного спада неминуемо разрывается, но только после того как длительный спад трансформирует «характер динамики цен на непроеизводственные активы, которые станут непривлекательными» [12, с. 81], что к тому же сопровождается громадными экономическими и социальными потерями.

Научные изыскания Розмаинского (как и других отечественных экономистов, анализирующих российскую экономику с кейнсианских позиций) могут способствовать развитию защитного пояса кейнсианской НИП, формулируя теории и модели развития (становления рыночных экономик). Исследования с кейнсианских позиций в этой области велись с 50-х годов прошлого столетия и к 70-м получили конкретизацию. В результате было составлено около 30 моделей для экономик развивающихся стран. На практике рекомендации, выработанные на основании моделей, привели к противоположным результатам. Очевидно, произошло это потому, что модели были разработаны трудами экономистов развитых капиталистических стран, которые всецело учитывали закономерности развитого рынка, без учета соци-

альных, экономических и институциональных особенностей развивающихся стран.

Российские экономисты выявляют особенности функционирования переходной экономики и вносят существенные дополнения в исходные модели и теории, что в дальнейшем может послужить формированию теорий развития в кейнсианской НИП.

5. Проблема накопления капитала

В 1956 году вышла работа Дж. Робинсон «Накопление капитала», где была поставлена задача решения вопросов долгосрочного экономического роста на основе кейнсианского краткосрочного анализа. Долгосрочный экономический рост (как и его нарушение) по Дж. Робинсон зависит от распределения между прибылью и зарплатой, влияния на экономику монополий, а также от технического прогресса и роста народонаселения.

В своем анализе левокейнсианцы обращались к идеям П. Сраффы, которые по сути не содержали ничего специфически кейнсианского, но, как указывает И. М. Осадчая, «оказалась сильным теоретическим оружием в критике того аспекта неоклассической теории, который «Кейнсианская революция» оставила в неприкосновенности, – ее микроэкономической основы» [20, с. 237].

Кроме П. Сраффы, на формирование левого кейнсианства оказали влияние исследования М. Калецкого, которого нельзя назвать последователем Кейнса, так как идею эффективного спроса Калецкий изложил еще в 1933 году в работе «Эссе о теории цикла деловой деятельности».

Левокейнсианцы взяли на вооружение концепцию ценообразования Калецкого, учитывающую влияние на процессы распределения монополизации экономики. Экономист теоретически доказал, что распределение в монопольной экономике осуществляется по силе капитала, что сопровождается борьбой социальных классов за относительную долю дохода.

Позднее в работах 1976–1985 годов идеи Сраффы и Калецкого развил американский левокейнсианец А. Эйхнер, исследовав инвестиционные решения крупных корпораций американской обрабатывающей промышленности.

Ограниченность подхода Сраффы А. Эйхнер усмотрел в неявном принятии, что «экономика не растет». А. Эйхнер подчеркивает, что «только когда учитывается расширение производственных мощностей во времени, можно сделать следующий важный шаг вперед, объясняющий, что определяет вектор остаточного дохода в долгосрочной модели производства» [2, с. 342].

Эйхнер сформулировал стоимостное условие роста экономики, которое заключается в установлении такого уровня цен, при котором обеспечивается полная занятость, могут быть покрыты текущие расходы и расходы на расширение производства.

Вклад Эйхнера в защитный пояс кейнсианской НИП заключается в объяснении механизма увеличения фонда постоянного капитала и выяв-

лении факторов, его ограничивающих. Его исследования подтвердили выводы, сделанные представителями левокейнсианского течения в целом: в вопросах накопления капитала рыночная экономика нуждается в государственном регулировании с целью перераспределения дохода и ограничения влияния монополий.

Анализ Эйхнера углубили российские ученые Р.С. Дзарасов и Д.В. Новоженев, дополнив стоимостное условие технологической стороной, так как на накопление капитала оказывает влияние качественная структура ресурсов.

Предпосылка о свободном замещении труда и капитала является неоклассической производственной функцией, ее критиковала Дж. Робинсон, указывая, что необходимое условие такого замещения требуется абсолютная однородность факторов производства, каковыми они не являются. В нашей стране еще в советский период над проблемой качественной неоднородности ресурсов работал академик Ю. В. Яременко. В результате был выявлен механизм формирования спроса на инновации и под этим углом зрения рассмотрен процесс экономического роста.

Ученый отталкивается от того, что определённый уровень выпуска может быть обеспечен как большим количеством дешёвых низкопроизводительных ресурсов при недостатке дорогих высокопроизводительных (эффект компенсации), так и меньшим количеством дорогих высокопроизводительных ресурсов взамен низкопроизводительных (эффект замещения). Экономический рост в каждой стране определяет уникальное сочетание эффектов компенсации и замещения.

Дзарасов и Новоженев, основываясь на идеях Яременко, сформулировали технологическое условие роста: «Оно состоит в таком сочетании эффектов компенсации и замещения в экономике, которое при данных относительных ценах обеспечивает полную занятость и максимальные темпы роста» [8].

Авторами были выявлены отличительные черты функционирования крупного российского бизнеса и крупного бизнеса стран развитого рынка. Как показал анализ, структура основных секторов российской экономики свойственна странам периферийного капитализма. На примере России Дзарасов и Новоженев показали, как в экономике неразвитого капитализма может нарушаться стоимостное и технологическое условие экономического роста. К тому же был выявлен ряд ограничений, имеющих место вследствие влияния факторов, общих для экономик периферийного капитализма, которые потребовали внесения ряда поправок в модель Эйхнера.

Дзарасов и Новоженев также внесли вклад в становление кейнсианских теорий развития, о необходимости работы над которыми в поле защитного пояса кейнсианской НИП мы писали выше.

6. Проблема «новой нормальности»

Мировой экономический кризис 2008–2009 годов дал экономической науке термин – «новая нормальность», которая, как отмечает В. Т. Рязанов,

стала альтернативой прогнозу 2009 года о возможности быстрого посткризисного восстановления индустриально развитых стран.

Процессу восстановления после кризиса предсказывались характеристики, ставшие реальностью: существенное снижение темпов экономического роста как в развитых, так и развивающихся странах, рост безработицы, бюджетная неустойчивость, рост глобальной задолженности, неэффективность воздействия традиционных инструментов стимулирования спроса, фискальной и монетарной политики.

Возникает вопрос: тяжелый выход из кризиса является временной ситуацией или это долгосрочное состояние, предполагающее принципиальные изменения в мировом хозяйстве.

Лауреат Нобелевской премии, представитель «нового кейнсианства» Дж. Стиглиц отправную точку проблем, описываемых как «новая нормальность», видит в углубляющемся неравенстве доходов. В результате богатство сосредоточилось в руках небольшого процента людей, что дает рост сбережений, но при отсутствии спроса не влечет инвестиционную активность. «Нет причин верить в то, – пишет Стиглиц, – что если мы дадим много денег американским богачам, то это приведет к притоку крупных инвестиций в США: деньги инвестируют тогда, когда ожидают от них отдачи» [15, с. 17].

Общему снижению спроса способствует и еще одна проблема, которую идентичным образом описывают Дж. Стиглиц и Р. С. Дзарасов: «Перенос производства в регионы с низкой оплатой труда привел к подрыву положения наемного труда и в развитых капиталистических странах. Доля заработной платы в ВВП стран-членов ОЭСР устойчиво падает с начала 1980-х гг. Получается, что в мире создаются все большие производственные мощности, а мировой совокупный спрос все более отстает от предложения. В этом нет ничего удивительного – ведь потребительский спрос определяется, прежде всего, спросом наемных работников» [7].

Третья проблема, на которой концентрирует внимание Стиглиц – асимметрия информации. Дж. Стиглиц пишет, что «центральной проблемой современных экономик является задача совместимости интересов..., несовершенная информация дает некоторым людям возможность действовать способами, позволяющими наживаться за счет других, причем за счет именно тех лиц, которых они призваны обслуживать» [16, с. 220]. Следовательно, неравенство в доступе к информации приводит к неравенству в доходах.

Четвертая проблема заключается в том, что информация в современном мире играет большую роль, в результате чего разница в силе экономической превращается в силу политическую. Эта связь между деньгами и политикой приводит к тому, что «...узкогрупповые интересы и корпоративные интересы будут преобладать над интересами рядовых граждан» [16, с. 352]. Связь между деньгами и политикой должна быть разорвана, считает Стиглиц, так как играть «роль, корректирующую провалы и ограниченность рынка, и кроме того, обеспечивающим социальную справедливость» [16, с. 23] мо-

жет играть только государство, несмотря на все присущие ему провалы.

С точки зрения кейнсианства в происходящих в мире процессах нет «необъяснимой катастрофы». В мировой экономике не происходит ничего, о чем не предупреждал Кейнс и его последователи. Как пишет М. Афонцев, «концепция «новой нормы» в принципе лишена теоретических оснований и в лучшем случае может рассматриваться как эмпирическая гипотеза, а не инструмент объяснения происходящих в мировой экономике процессов. Более того, при всей звучности термина «новая норма» он очевидным образом характеризует состояние мировой экономики, «нормальное» лишь для периода действия кризисных шоков (и их последствий), а вовсе не для ее посткризисного развития» [4, с. 4].

Таким образом, с точки зрения методологии Лакатоса, происходящие в мировой экономике события добавили кейнсианской НИП прогрессивную составляющую, так как происходящие процессы были предсказаны за много лет до их возникновения. Кейнсианство чутко реагирует на перемены и выдвигает теории, впоследствии подтверждаемые временем.

Представляется, что растерянность, связанная с «новой нормальностью», возможна только с точки зрения неоклассической картины экономической реальности. Механизм совершенной конкуренции как идеальное условие функционирования рынка, как показывает историческая практика, все более отдаляется от реально происходящих процессов. Мир становится все менее неоклассическим и все более кейнсианским.

Кейнсианская НИП в условиях «новой нормальности» получила прогрессивную составляющую и решающую роль в этом сыграли теории защитного пояса. Модели макроэкономической политики, разработанные на основе кейнсианской концепции (с учетом особенностей экономики отдельных стран), могут быть реалистичными, а их реализация эффективной.

Список источников

1. Duesenberry J.S. *Income, saving, and the theory of consumer behavior*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1949.

2. Eichner A.S. *The macrodynamics of advanced market economies*. New York, M. E. Sharpe, Inc., 1985.

3. Ананьин О. Экономические онтологии и экономические институты // *Федерализм*, 2013, no. 1 (69), с. 75-100.

4. Афонцев А. Мировая экономика в поисках новой модели роста // *Мировая экономика и международные отношения*, 2014, no. 2, с. 3-12.

5. Блауг М. *Экономическая мысль в ретроспективе*. Москва, Дело Лтд, 1994.

6. Бодкин Р. *Кейнсианские эконометрические концепции: потребительские*

и инвестиционные функции; мультипликатор. Москва, Прогресс, 1981.

7. Дзарасов Р.С. *Развитие в современном мире: «Великая стагнация»*. Доступно: [//dzarasov.ru/](http://dzarasov.ru/) (дата обращения: 7.08.17).

8. Дзарасов Р.С., Новоженев Д.В. *Теория качественной неоднородности ресурсов и условия экономического роста*. Доступно: <http://dzarasov.ru/> (дата обращения: 11.05.17).

9. Клауэр Р. Кейнсианская контрреволюция: теоретическая оценка // *Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли*. Москва, ГУ-ВШЭ, 1998, Вып. 3, с. 308-333.

10. Коддингтон А. Кейнсианская экономическая теория: в поисках главных

принципов // *Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли*. Москва, ГУ-ВШЭ, 1998, Вып. 3, с. 334-356.

11. Маневич В.Е. *Кейнсианская теория и российская экономика*. Москва, Ком-Книга, 2010.

12. Розмаинский И.В. «Инвестиционная близорукость» в посткейнсианской теории и в российской экономике // *Вопросы экономики*, 2006, no. 9, с. 71-82.

13. Розмаинский И.В. «Общая теория» Дж. М. Кейнса: уроки три четверти века спустя // *Terra Economicus*, 2012, т. 10, no. 1, с. 46-52.

14. Розмаинский И.В. Инвестиционная близорукость как институциональный ограничитель экономического роста в постсоветской России // *Экономическая наука современной России*, 2006, no. 4 (35), с. 7-21.

15. Стиглиц Дж. *Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит на-*

шему будущему. Москва, Эксмо, 2015.

16. Стиглиц Дж.Ю. *Ревущие девяностые. Семья развала*. Москва, Современная экономика и право, 2005.

17. Тобин Дж. *Денежная политика и экономический рост*. Москва, ЛИБРОКОМ, 2010.

18. Харрод Р. *Теория экономической динамики*. Москва, ЦЭМИ РАН, 2008.

19. Ходжсон Дж. Скрытые механизмы убеждения: институты и индивиды в экономической теории // *Экономический вестник Ростовского государственного университета*, 2003, т. 1, no. 4, с. 11-30.

20. Худокормов А.Г. *История экономических учений: (современный этап)*. Москва, ИНФРА-М, 1998.

21. Черновол С.Н. Кейнсианская научно-исследовательская программа и возможность ее использования для анализа российской экономики // *Становление экономики знаний: от теории к практике региона*, 2012, гл. 5, с. 137-167.

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE PROTECTIVE BELT IN THE KEYNESIAN RESEARCH PROGRAM

Chernovol Svetlana Nikolaevna, Assist. Prof.

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Vesennyya st., 28, Kemerovo, Russia, 650000; e-mail: fenika71@yandex.ru

Purpose: the author performs the analysis and interpretation of Keynesianism evolution as the I. Lakatos research program development. *Discussion:* the author thinks that Keynesianism is the alternative to the Russian monetarist development model. The author analyzes the Keynesianism evolution in the article. The I. Lakatos' methodology identifies the progressive or regressive components of the Keynesian research program. *Results:* the author detects that Keynesian research program has progressiveness features. Keynesianism, unlike the neoclassic doctrine, does not perceive an «inexplicable disaster» in the common processes in the world. Note that the term «new normality» describes the common processes in the world. Eventually the Keynesian research program got the progressive component. Herewith protective belt theories played an important role in this process. Economic policy models on the basis of the Keynesian concept (subject to specific features of selected countries economics) may be realistic and its implementation is effective.

Keywords: Keynesianism, research program, crisis, «new normality».

References

1. Duesenberry J.S. *Income, saving, and the theory of consumer behavior*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1949.
2. Eichner A.S. *The macrodynamics of advanced market economies*. New York, M. E. Sharpe, Inc., 1985.
3. Anan'in O. Jekonomicheskie ontologii i jekonomicheskie instituty [Economic ontologies and economic institutes] *Federalizm*, 2013, no. 1 (69), pp. 75-100. (In Russ.)
4. Afoncev A. Mirovaja jekonomika v poiskah novoj modeli rosta [World economy in search for a new growth model]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 2014, no. 2, pp. 3-12. (In Russ.)
5. Blaug M. *Jekonomicheskaja mysl' v retrospektive* [Economic theory in retrospect] Moscow, Delo Ltd, 1994. (In Russ.)
6. Bodkin R. *Kejnsianskie jekonomie-tricheskie koncepcii: potrebitel'skie i investicionnye funkcii; mul'tiplikator* [Keynesian economic concepts: consumption and investment functions; multiplier] Moscow, Progress, 1981. (In Russ.)
7. Dzarasov R.S. *Razvitie v sovremennom mire: «Velikaja stagnacija»* [Development in a modern world: «The Great Stagnation»] Available at: [//dzarasov.ru/](http://dzarasov.ru/) (accessed: 7.08.17). (In Russ.)
8. Dzarasov R.S., Novozhenov D.V. *Teorija kachestvennoj neodnorodnosti resursov i uslovija jekonomicheskogo rosta* [Theory of qualitative variety of resources and conditions for an economic growth] Available at: <http://dzarasov.ru/> (accessed: 11.05.17). (In Russ.)
9. Klaujer R. *Kejnsianskaja kontrevo-*

ljucija: teoreticheskaia ocenka [Keynesian counter-revolution: a theoretical evaluation] *Istoki: voprosy istorii narodnogo hozjajstva i jekonomicheskoi mysli*, Moscow, GU-VShJe, 1998, vyp. 3, pp. 308-333. (In Russ.)

10. Koddington A. Kejnsianskaia jekonomicheskaja teorija: v poiskah glavnykh principov [Keynesian economics: The Search for First Principles]. *Istoki: voprosy istorii narodnogo hozjajstva i jekonomicheskoi mysli*, Moscow, GU-VShJe, 1998, vyp. 3, pp. 334-356. (In Russ.)

11. Manevich V. E. *Kejnsianskaia teorija i rossijskaia jekonomika* [Keynesian Theory and Russian economy]. Moscow, KomKniga, 2010. (In Russ.)

12. Rozmainskij I. «Investicionnaja blizorukost'» v postkejnsianskoj teorii i v rossijskoj jekonomike [«Investment shortsightedness» in a Post-Keynesian theory and in a Russian economy]. *Voprosy jekonomiki*, 2006, no. 9, pp. 71-82. (In Russ.)

13. Rozmainskij, I. V. «Obshhaja teorija» Dzh. M. Kejnosa: uroki tri chetverti veka spustja [J.M. Keynes' «General Theory»: lessons after a three-quarters of century] *Terra Economicus*, 2012, t. 10, no. 1, pp. 46-52. (In Russ.)

14. Rozmainskij I.V. Investicionnaja blizorukost' kak institucional'nyj ogranichitel' jekonomicheskogo rosta v post-sovetskoj Rossii [Investment shortsightedness: an institutional limitation for an economic growth in a Post-Soviet Russia]. *Jekonomicheskaja nauka sovremennoj Rossii*, 2006, no. 4 (35), pp. 7-21. (In Russ.)

15. Stiglic J. *Cena neravenstva. Chem rassloenie obshhestva grozit nashemu budushhemu* [Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers our Future]. Moscow, Jeksmo, 2015. (In Russ.)

16. Stiglic J.Ju. *Revushhie devjanostye. Semena razvala* [The Roaring Nineties: Seeds of Destruction]. Moscow, Sovremennaja jekonomika i pravo, 2005. (In Russ.)

17. Tobin J. *Denezhnaja politika i jekonomicheskij rost* [Money and Economic Growth]. Moscow, LIBROKOM, 2010. (In Russ.)

18. Harrod R. *Teorija jekonomicheskoi dinamiki* [Essays in Dynamic Theory]. Moscow, CJeMI RAN, 2008. (In Russ.)

19. Hodgson J. Skrytye mehanizmy ubezhdjenja: instituty i individy v jekonomicheskoi teorii [The hidden persuaders: institutions and individuals in economic theory]. *Jekonomicheskij vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2003, vol. 1, no. 4, pp. 11-30. (In Russ.)

20. Hudokormov A.G. *Istorija jekonomicheskikh uchenij: (sovremennyj jetap)* [History of economic thought]. Moscow, INFRA-M, 1998. (In Russ.)

21. Chernovol S.N. Kejnsianskaia nauchno-issledovatel'skaia programma i vozmozhnost' ee ispol'zovaniia dlja analiza rossijskoj jekonomiki [Keynesian scientific research program and possibility of using it for an analysis of Russian economy] *Stanovlenie jekonomiki znaniij: ot teorii k praktike regiona*, 2012, vol. 5, pp. 137-167. (In Russ.)